

ИННА БАЛТИЙСКАЯ

Призрак с горы Мертвецов

Инна Балтийская

Призрак с горы Мертвецов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21146559

Аннотация

Много лет назад группа студентов отправилась в опасное восхождение на гору девяти Мертвецов. Все они погибли при загадочных обстоятельствах. Внеземные силы, техногенная катастрофа или преступление? Спустя тридцать лет младшая сестра одной из погибших девушек решила узнать правду. Но старые тайны опасны, как минные поля – а вокруг сужает кольца маньяк, убивающий девушек поясами от их платьев...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Инна Балтийская

Призрак с горы Мертвецов

*Все события вымышлены, любые совпадения
имен или событий являются случайными.*

Глава 1

Лариса Михеева.

– Мне очень нужно поговорить с вами. О Лиле. Это же ваша сестра, я не ошибся? Мне нужен ее дневник. – на секунду мне показалось, что мужчина напротив начал задыхаться. – Срочно. Понимаете, это не лю-ллюбопытство... я реально первый подозреваемый.

Я с сомнением посмотрела на своего собеседника. Он подкараулил меня возле дома, и, слегка заикаясь, попросился ко мне в гости, поговорить о сестре. Честно признаюсь, вначале я напряглась. Откуда-то из глубин подсознания всплыл старый, вроде бы уже позабытый ужас. Темный, первобытный, знакомый любому ребенку, когда в ночной комнате раздается странный шорох из шкафа, и его дверь с тихим скрипом медленно отворяется, чтобы выпустить нечто серое, мохна-

тое, с горящими диким огнем глазами. Или еще более страшное, с черными дырами в тех местах, где еще недавно они сияли, ласковые зеленые глаза.

То, что должно было вот-вот снова показаться из старого шкафа подсознания, я усилием воли загнала обратно. Ужаса мне хватило и в реальной жизни. И для этого давно уже не нужны были ни ночные кошмары, ни дневник давно погибшей сестры, ни странный мужчина, рвавшийся сейчас ко мне в гости.

Незнакомец, вообще-то, страха не вызывал. Полуседой, сутулый, невысокого роста, в каком-то кургузом пиджачке, делавшим его похожим на школьника-перестарка, и в очках с толстыми стеклами в металлической оправе, он не выглядел опасным. Хотя, кто знает...

Как назло, на улице не было никого из соседей. Теплый сентябрьский вечер буквально призывал выйти из дома, погреться в последних ласковых лучах заходящего солнышка, но широкий двор перед типовой многоэтажкой словно вымер. Даже низенькие скамеечки, заботливо размещенные возле каждого подъезда, пустовали. Ну куда делись многочисленные бабуси, замотанные шерстяными платочками по самые брови? Обычно они сидели возле дома до глубокой ночи, невзирая на погоду, их не пугал ни дождик, ни ледяной ветер. А сейчас, в такой славный осенний денек, они исчезли, как утренний туман. Перед стальной дверью на аккуратном резиновом половичке возвышалась стопка ярко-желтых

березовых листочков, но тонкая березка возле подъезда была, похоже, единственным свидетелем нашего разговора.

Я сообщила странному типу, что сестра погибла еще до моего рождения, но нужного эффекта не достигла. Он уверял, что ему нужно срочно поговорить о Лиле, для него это вопрос жизни и смерти. И в конце концов я уступила его напору, как всегда и всем уступала, стоило на меня сильнее надавить. Я привела его на кухню, в свое царство, любовно оформленное в оранжево-желтых тонах, со встроенными бежевыми шкафчиками, с нарисованными прямо на стенах сочными спелыми фруктами. Только на кухне мне удалось добиться своего, полностью изгнать ненавистные мне цвета свежеснявшего снега и глубоких синих теней, которые отбрасывают сугробы темными зимними вечерами. Я всегда мечтала именно на кухне, в ее солнечном, вкусном интерьере, принимать гостей. И чтобы через кружевные занавески проскальзывали теплые солнечные лучи.

Но ко мне давно никто не приходил в гости, а вот теперь насильно ворвался этот тип, который мне совсем неприятен. Он сидел в моем любимом красном кресле и затравленно глядел куда-то вниз, на слегка потертый кухонный линолеум. Я не стала варить для него кофе, а просто заварила в фаянсовой чашке чай из пакетика и села напротив, с тоской глядела на своего визави. Какой у него неприятный ускользающий взгляд! А его история показалась мне не то чтобы совсем неправдоподобной... просто было слишком сложно

в нее поверить.

— Лариса, вы знаете что-то про восхождение на гору девяти Мертвецов? Ох, о чем это я... Вы тогда еще не родились, наверное. — он судорожно сглотнул. — Я Юрий, Юрий Чудинов, однокурсник вашей сестры, я тоже собирался на эту гору. Нас было одиннадцать. Глупых мальчишек и девчонок. Мы думали, это просто приключение. Забавное, о чем можно будет вспомнить в старости. Но до старости надо еще дожить...

Конечно, я знала о том походе. Даже если бы там не погибла моя восемнадцатилетняя сестра, я не могла бы об этом не знать. Гибель студентов на горе девяти Мертвецов у нас стала местной легендой. Жуткой историей, которую дети рассказывают на ночь друг другу вместо историй о Черной руке, подкрадывающейся глубокой ночью к детской кровати.

— Я заболел тогда, остался внизу. А потом... женился на Тамаре, хотя любил вашу сестру. — теперь он словно выдавливал из себя слова. — Даже после того... все равно любил. Но из всей группы нас остались двое, всего двое. И мне было так страшно долгие годы... Тамара тоже побывала там, но она не боялась. Она словно удерживала меня, не давала умереть... от страха. А потом все закончилось, я начал забывать. Прошло столько лет, все уже закончилось, давно закончилось. Никого не осталось, кроме нас с Томой. И вот совсем недавно она сказала, что встретила кого-то. — его худые пальцы, сплетенные в замок, дергались с такой силой,

словно он хотел переломать себе руки. – Из той экспедиции. Он изменился, постарел, не похож на себя, но это он, она не могла ошибиться. Она не сказала, кто из девяти. Я не стал расспрашивать, просто не поверил тогда Тамаре. Не хотел поверить, не хотел вспоминать. Она не могла никого из них встретить. Не в этом мире, понимаете? Они все погибли тогда, на горе Мертвецов. Все, кроме нас двоих, оставшихся внизу. Девять трупов.... Я сам их видел, своими глазами!

Он почти визжал, накручивая себя, на моих глазах впадая в истерику. Его впалая грудь вздымалась, руки дергались все сильнее, уголок рта искривился так, что я невольно вскочила с кресла. Да он псих, а дома никого... Но непрощенный гость взял себя в руки, и, не поднимая глаз от пола, почти спокойным тоном продолжал:

– Я был уверен, что Тамара обозналась. Она тоже не могла забыть тот поход, тоже постоянно вспоминала тех, кто там остался. Она легко могла обознаться, у меня такое бывало не раз. Я сам часто встречал в нашем городе Димку... Диму Щеглова. Просто шел по улице, и вдруг навстречу – он. И даже смех слышал – его, раскатистый такой. Я даже подошел однажды, и сразу понял, что обознался. Тот парень даже похож был не очень. Или... идет по улице девушка, и вдруг сердце словно вырывается из груди. Понимаешь, что это она, та, которую не мог забыть все годы. Та, что давно мертва. Но вот же она, перед тобой... Я знаю, каково это – узнавать тех, кого давно нет. Я много раз видел почти всех,

кто был со мной тогда. И чаще всего ее... Лилю. Я виноват перед нею, так виноват... Но я не делился этим с Томой, я просто не мог...

Он как-то судорожно дернул кадыком и начал торопливо пить остывший чай. Я молча рассматривала его худое от природы, да еще и осунувшееся от переживаний лицо. Неприемное, с мелкими неяркими чертами, незапоминающееся... Этого мужчину я бы не смогла узнать даже через месяц. Но если бы мы вместе прошли через испытания, если бы увидели страшную гибель лучших друзей?

– Скорее всего, ваша жена обозналась. – поскольку мой гость молчал, я решилась высказаться. – К тому же, прошло тридцать лет. Она не могла никого узнать. Вы же и сами это понимаете.

– Да, я был уверен... – он снова дернул кадыком. – Но завтра она исчезла. Без вещей, без документов. На работе о ней ничего не знают. А ведь она профессор, она не бросила бы студентов накануне сессии! Я заявил в полицию, но понял – они подозревают как раз меня.

* * *

«Ну что же, мы уже в пути! Еду в одном купе с Зиной и Томой. Мальчики как бы в соседних, но тусуются все время у нас. Юрик не сводит с меня глаз. Смешной, думает, я этого не замечаю. Но все равно, он милый. И Димка прямо дырку

во мне просверлил глазами, но у него взгляд такой странный, тяжелый, я его немного даже боюсь. Но пожалуй, он поинтереснее многих, и если бы не Эдик... Нет, не могу даже представить, что Эдика с нами нет.

Да что там, я же решила писать правду, и только правду. Если б не Эдик, я бы не поехала туда, на эту страшную гору. Ну зачем мне ловить Снежного человека? Тем более, что его не существует? Мальчики хотят это доказать научно, а мне непонятно – как можно доказать, что чего-то нет? Ну бред же, право слово. Мне, наверное, хочется верить, что йетти есть, мохнатый и белый. Так скучно думать, что единственная реальность – этот вагон... Нет, решено – я буду верить в йетти! Может, мы с ним даже познакомимся там, на вершине горы. Он решит меня похитить, и Эдик кинется на защиту. И я смогу его поблагодарить... и даже поцеловать. Словно бы просто так, из благодарности. А потом быстро скрыться в тени палатки. И он будет ждать, и думать – просто так я его поцеловала, за то, что спас, или...

А Зинка и Томкой тоже на Эдика глазки таращат, коровки наши, му-му-му. По зубам ли толстухам наш красавчик? Ну фиг им, обломаются. Нет, девчонки хорошие, я их очень люблю, но на нашего красавчика-то пялиться зачем? А на меня он начал с интересом поглядывать. Ну да, и в вагоне ресторане тут же рядом садится. Неспроста это, вот! А когда он пел недавно про акацию, он так на меня посмотрел... Я покраснела, кажется. Но надо держать себя поостроже, нечего

ему зазнаваться.

О, чуть не забыла! Мы ж решили студгазету делать. Наше разоблачение легенды об Йетти, живущем на горе Мертвецов. Мальчики еще не наигрались в свои игрушки, теперь вообразили себя бесстрашными репортерами с горы военных действий. Но не важно, я и тут должна быть лучшей, и чтобы Эдик это понял. Значит, записываем красивую легенду. Где-то у меня тут лежала вырезка из уральской газеты. Ага, вот она! Читаем, дневничек, читаем.

Когда-то, много тысяч лет назад, во время Всемирного потопа, на гору мертвецов забрались 11 местных жителей, ханси. Но они не понравились Йетти, владыке Горы. И каждый день он сбрасывал вниз по одному пленнику. И в конце концов их осталось двое – мужчина и женщина. Женщина была так хороша, что грозный снежный человек дрогнул. И подарил жизнь ей и ее мужчине, за которого она слезно просила. Он собирался оставить красавицу жить у себя, но она улучила момент и сбежала вместе с любимым. И с тех пор озлобившийся Йетти убивает всех альпинистов, которые попадают ему на глаза. Особая опасность грозит группам, в составе которых есть девушки.

Ну вот, йетти способен на нежные чувства, я так и думала. Если в древности ему понравилась хансийская дама, а это обычные чукчи, то уж при виде меня он вообще обалдеет. И подарит мне самоцветы. Какие там водятся – сапфиры, изумруды? Сапфиры звучат красивее. А изумруды луч-

ше подойдут к моим зеленым глазам. Ладно, там выберу. Если предложат. Надо бы легенду для газеты покрасивее оформить. И подчеркнуть обязательно, что женщина-ханси, в которую влюбился снежный человек, была длинноногая, длинноволосая и зеленоглаза. Я знаю, что и Юрик, и Димка, и Эдик, и прочие желторотики будут представлять на ее месте меня.»

Я резко захлопнула дневник Лили. Нет, я не могла читать ее веселые записки, и тем более не могла отдать их нервному незнакомцу. Бедная, она только начинала жить, она была влюблена... Что же произошло там, на горе Мертвецов? Этого так никто и не узнал. Лиля погибла там, ее дневник был у меня, но и я знала не больше других.

Моя мама как раз должна была рожать меня, когда пришло страшное сообщение – ее старшая дочь Лиля погибла. Отец рассказывал, что он тогда впервые испугался за ее рассудок. Она плакала все время, пока ее везли в роддом, плакала навзрыд, безостановочно... И когда ей показали крошечную дочку, она все твердила сквозь слезы... Лиля, Лиля, я не отдам Лилю...

Я начала свою жизнь, не зная толком, кто я. Меня звали Ларой, но мать, глядя на меня, часто начинала плакать и звать Лилю. Да, потом я поняла, что она не в себе. Что ей надо лечиться. Но тогда, маленькой, я лишь чувствовала, что живу чужую, не свою жизнь. И все чаще во сне я видела вокруг блестящий, ослепляющий снег. Снежные волны, унося-

щие меня куда-то далеко, туда, где только отчаяние и страх, и нет никакой надежды. Чувствовала дикую резь в глазах, словно мне выжигали их, выжигали каленым железом, и от жуткой боли я тоже начинала плакать, просыпаясь на мокрой от слез подушке. И мать ни разу не подошла ко мне ночью, ни разу не попыталась меня успокоить.

Все вещи сестры так и остались в нашем доме. Ее, а не мои фотографии висели у нас на стенах, стояли в рамочке на старом буфете. Ее школьная форма, аккуратно разглаженная, висела на видном месте в шкафу. А меня словно и не было, словно я была лишь повторением, лишь тенью... Но хуже всего, что мне и самой постоянно казалось, что меня нет. По воспоминаниям матери, сестра была высокой блондинкой с пышной шапкой белокурых волос, веселой, заливающейся задорным смехом от любой шутки. Я же получилась невысокой, невзрачной, с темно-русыми прямыми волосами, застенчивой и неулыбчивой. Да и как я могла улыбаться, постоянно чувствуя себя кем-то другим? Я иногда вспоминала людей, которых никогда не видела. Мне постоянно снились кошмары: снег, только снежные сияющие кристаллы кругом, синие тени на снежном склоне, страшные крики рядом, а потом – резкая боль в выжженным огнем глазах. Просыпаясь, я слышала призрачный шум колес, девичий смех и чьи-то хмельные выкрики.

Я росла очень грустным ребенком. И моей единственной настоящей подругой была она, та, которой давно не было на

свете. Но... она всегда была рядом, вернее, она была во мне. Но говорила со мной лишь тогда, когда я полностью теряла себя в настоящей жизни. И да, я думаю, что два раза она спасла мне эту жизнь.

В первый раз это было давно, в далеком детстве, но запомнилось мне навсегда. Я помнила, как я, пятилетняя крошка, играла с подружкой в теплой песочнице во дворе, возле нашего дома. Песочек был таким чистым, желтым, слегка влажным, и из него получались такие красивые куличики! Я лепила их с помощью пестрого игрушечного ведерка, а подружка набирала песочек в две формочки для печенья. На бортике песочницы вырастали все новые пирожки, которыми мы кормили друг друга, зверски разрушая их и сбрасывая обратно, в сильно раскопанный уже песок.

В длинную светлую косу подружки была вплетена небесно-голубая широкая лента, завязанная на конце в огромный пышный бант, и она очень гордилась им, постоянно теребила, или вообще вытаскивала из волос и прикладывала к синему сарафанчику, а потом отдавала маме, и та, слегка ворча, заново переплетала ей косу. Моя же мама с грустным лицом сидела на низенькой скамеечке, почти не обращая на меня внимания. Впрочем, никаких бантов у меня и не было, волосы мне стригли коротко, как у мальчика. Потом мама подружки с криком: у меня мясо в духовке, сейчас сгорит! – убежала домой. Моя мама просидела на скамейке недолго. Я лишь успела заметить, как она смахнула с носа крупную сле-

зу, а потом она поднялась и быстро пошла к нашему подъезду, приложив ладони к лицу. И мы с подружкой остались одни.

Почему-то именно в этот погожий денек в нашем дворе было на редкость пустынно. На залитых солнцем скамейках не грелся выводок местных бабусь с вязанием в руках, даже вечно пьяного дворника Василия нигде не было видно. Небольшой двор между тремя панельными многоэтажками и котлованом для новой стройки словно выгорел на солнце. Вокруг песочницы весело летали толстые мохнатые шмели, изредка отвлекаясь от нас на кусты растущей рядом сирени. От запаха сирени и розового клевера на газонах кружилась голова. И я несколько не удивилась, когда из-за одного пышного сиреневого куста вышел незнакомый дядя в длинных светлых шортах в зеленый горошек и, как-то бесшумно передвигаясь, подошел к нам.

– Ой, девочки, какие вкусные у вас булочки! – наклонившись к нам так, что чуть не коснулся моего платочка, полупрошепотом произнес он, а затем погладил подружку по голове. – А у тебя какой бантик красивый!

Подружка заливисто засмеялась и тут же, развязав бант, протянула его незнакомцу. Тот намотал бант на руку и, улыбнувшись, еще ниже склонился к нам:

– Девчонки, а котят вы любите? У меня их двое, один рыженький, другой серенький. Пушистые такие!

– Ой, а где? Где котята? – песочные куличики вмиг были

забыты, и мы с подружкой вскочили на ноги.

— А вот за дом зайти надо, там в гараже они и сидят. — Дядя присел на корточки и небрежно махнул рукой в проход между нашим домом и котлованом. — Идемте, если понравятся, я их вам подарю.

— Ой, хочу рыженького, рыженького! — завизжала подружка, перепрыгивая через бортик песочницы. Я последовала за ней.

Дядя протянул нам руки, я робко подала ему ладошку, которую он аккуратно сжал. И тут я почувствовала резкую боль в глазах, словно в них плеснули кипятком. Веки горели, и казалось, от боли невозможно было дышать. Такое же жжение я почувствовала и в той руке, за которую держал меня дядя. Но хотя глаза и руки словно горели в костре, тело сковал лютый холод, а теплый желтый песочек внезапно показался белым и сверкающим, как свежавыпавший снег. От испуга и боли я громко заплакала, вырывая руку, и он тут же отпустил меня и отпрянул, крепко держа за руку подружку.

Пока я вытирала ладонями заплаканные глаза, он что-то быстро шепнул ей на ухо, она снова засмеялась тоненьким детским смехом, повернулась ко мне спиной, и они быстро пошли в сторону котлована. Мои глаза уже полностью прошли, и я грустно смотрела им вслед. Синий сарафанчик в последний раз мелькнул за поворотом, залиvistый смех моей подружки еще звенел в моих ушах...

Помнится, в какое-то мгновение я хотела побежать за ней

следом, ведь там, за домом, сидели милые котятка – один рыжий, другой серенький... Но тут раскаленный воздух вокруг снова сгустился, охлаждаясь, превращаясь в морозный туман, глаза заслезились от сверкающей снежной белизны вокруг, и я, забыв про котят, с громким ревом побежала домой.

На следующий день меня не выпустили во двор. Бледная как снег мама сидела в квартире, держась руками за голову и мерно раскачиваясь из стороны в сторону. Мама моей подружки то прибегала к нам, то выбегала, на ее искаженном лице слезы словно выжгли красные кривые дорожки. Следом носились какие-то мужчины в форме, на меня никто не обращал внимания. Я сделала робкую попытку узнать у мамы, что произошло, но она лишь крепко сжала меня в объятиях, и мои волосы тут же промокли от ее слез.

Меня тоже расспрашивал какой-то высокий мужчина в синей форме, но что я могла ему сказать? Да, подходил дядя, обещал показать котят. Подружка пошла, а у меня разболелись глаза. Как дядя выглядел? Да никак. Он же взрослый, как он мог выглядеть? Нет, ни очков, ни шрамов я не заметила. Запомнила лишь шорты в зеленый горошек.

Больше месяца я просидела дома, лишь с тоской выглядывая в окошко на нашу солнечную песочницу, где так и валялись пестрое ведерко и две формочки для печений. Я просила маму позвать к нам в гости подружку, раз уж мне на улицу нельзя, но от этой просьбы мама начинала так рыдать, что я испуганно замолкала, и тихо бралась за очеред-

ную книжку-раскраску. А потом мы переехали в новую квартиру, где не было такого чудесного двора с кустами сирени и большой чистой песочницей. Двор-колодец в нашем новом жилище был полностью заасфальтирован, и гулять детям там было просто негде. Впрочем, гулять во двор меня все равно больше не выпускали, и на улицу я выходила лишь вечером с мамой, когда она возвращалась с работы. Мы быстро шли по длинной узкой улице до ближайшего магазина, и мама ни на секунду не отпускала мою руку, сжимая ее с такой силой, что после прогулки у меня долго болели пальцы.

Свободного времени у меня теперь было много, и долгими осенними днями, сидя взаперти в новой, неудобной квартире, куда даже в полдень не попадал солнечный свет, я в силу своего детского разума размышляла: что помешало мне пойти к котяткам, что случилось с моими глазами? Маме я об этом почему-то не рассказывала. Зато она теперь каждый вечер рассказывала мне о сестре Лиле, которая пошла в зимний поход на покрытую снегом гору и погибла в тот день, когда я родилась. Мама говорила, что не переживет, если и со мной что-нибудь случится. И я обещала, каждый раз обещала ей не уходить никуда ни с каким дядей, что бы он мне не предложил. А днем думала, понравились ли моей подружке тогда котятки? Подарил ли ей дядя рыженького? И почему ее не привели даже попрощаться со мной, когда мы переезжали?

И лишь через много лет, уже окончив школу, я наконец

узнала, что мою подружку по песочнице тогда нашли в гараже за нашим домом. Маньяк задушил ее синим бантом, который доверчиво протянула ему малышка. Урода, заманившего ее в гараж, так и не нашли. Вот тогда я поняла, что чудом спаслась тогда, на залитом солнцем дворе. Но что это было за чудо?

А что спасло меня позже, когда мне исполнилось 15 лет? Тот весенний день я тоже буду помнить всю жизнь. В начале мая мы с одноклассницами гуляли по густому, залитому солнцем лесопарку. Вдоль длинных аллей в обнимку с рябинами стояли вековые дубы, чуть в отдалении слабо зеленели березы, а в воздухе стоял густой аромат едва распустившейся черемухи. Но, несмотря на прекрасную погоду, лесопарк словно вымер. Не ходили по узким тропкам кучки подростков, сбежавших из школы, не гуляли по асфальтовым дорожкам важные молодые мамочки с большими колясками. Даже возле небольшого пруда, где всегда тусовались мужики с удочками, не было ни души. Запах черемухи кружил голову, стоило сойти с узких асфальтовых дорожек, как ноги утопали в высокой траве, У меня возникло странное чувство дежавю – словно когда-то давно я уже побывала в этом месте, и вокруг были такие же цветущие кусты, а рядом – большая песочница с раскаленным на солнце песком, и мне было так же тепло на душе, вот только... Но дальше вспоминать не хотелось. Одноклассницы постепенно откалывались, то парочками, то по одной, скрывались за густыми кустами, слов-

но растворялись в густом мареве, и в конце концов со мной осталась лишь одна девушка, Вера. Мы с ней не особо дружили, но в этот майский денек нам не хотелось расставаться, не хотелось расходиться по домам. Не знаю, как кому, но мне возвращаться домой не хотелось почти никогда.

– Погуляем еще? – предложила я, и Вера радостно кивнула. На ней были тугие джинсы и голубая футболка, красиво облегавшие стройную фигурку, а тонкое, чуть удлиненное личико очень украшали забранные наверх белокурые волосы, перевязанные ярко-синей, в тон глаз, атласной лентой. Она совсем уже взрослая, мелькнула у меня мысль, а я? Я все еще глупая маленькая девочка, переживающая из-за того, что родная мать не обращает на меня внимания? Может, мне пора перестать думать о ней? Мне надо думать о мальчиках, которые тоже не балуют меня своими ухаживаниями, но тут я сама виновата. Надо перейти с платьев на мини-юбочки и джинсы-клеш, аккуратные лодочки сменить на модную платформу...

Говорить нам было не о чем, словно все мысли в голове испарились под жарким солнцем. Бесцельно покрутившись возле пруда, мы собрались уже расходиться, как вдруг откуда-то из-за кустов черемухи к нам подошли два парня. Они были уже взрослыми по нашим меркам, обоим было за двадцать.

– О, девчонки! – обрадовались они. – А мы тут скучаем, пошли с нами к костру! Мы же шашлычки замариновали!

Я с интересом рассматривала парней. Один был довольно привлекательным – высоким, плечистым, с твердыми чертами лица и бритой головой. Его рельефные мускулы под черной майкой-алкоголичкой привлекали внимание. Второй оказался пониже ростом, с темными волосами, падающими ему на глаза, в белой парадной рубашке и светлых тонких льняных брюках. Несмотря на пижонистый вид, в принципе, и он был ничего, а главное – взрослым. Нам, соплюшkom, приятно было такое внимание. Словом, первое впечатление было неплохим, и мы с подругой, слегка поломавшись, решили пойти с ними к костру. Вера решительно кивнула, сошла с дорожки и по траве храбро пошла вперед, отодвигая густые ветви черемухи. Ее стройная фигурка уже скрылась из виду, а я все стояла, с сомнением глядя на высокие каблуки своих новых лодочек. Знать бы заранее, что после школы пойду в лесопарк, ни за что не надела бы платье и шпильки!

– Ну что ты тормозишь! – усмехнулся мускулистый и схватил меня за руку. – Костер щас догорит, хрен потом разожжешь заново!

От его прикосновения меня словно ударили током. Вернее, на руку словно плеснуло кипятком. И в этот же момент резь в глазах заставила меня закричать. Я выдернула руку и затрясла головой, пытаясь остановить рекой хлынувшие из глаз слезы. Вера шла вперед, руками отодвигая зелено-белые ветви черемухи, которые внезапно показались мне покрытыми не цветами, а густыми хлопьями снега. Я почувствовала,

как ледяной холод сковывает грудь... Но Вера уже скрылась из виду, в последний раз отраженным блеском засияла атласная лента, и мелькнул край синей майки, вдруг показавшейся мне легким детским сарафанчиком... Следом исчез из виду темноволосый парень, и лишь бритый качок стоял рядом, недобро глядя на меня.

– Чего ревешь? – в его тоне прозвучала такая злость, что меня невольно передернуло. Глаза перестали гореть в тот момент, когда он отпустил мою руку, но слезы все еще обильно текли по щекам.

Я беспомощно покрутила головой. Он стоял так близко ко мне, что я чувствовала его запах, запах пота с каким-то неприятным оттенком. Так пахнет смерть, мелькнула в голове залетная мысль, и тут же исчезла, вытесненная непонятным мне самой страхом. Мощные мускулы на его руках напряглись, и я подумала, что он сейчас просто поднимет меня, перекинет через плечо и спокойно понесет в заросли, как свою законную добычу. Скорее всего, он так бы и поступил, но тут со стороны пруда раздались мужские голоса, и качок, зло сплюнув прямо на мои новые туфли-лодочки, скрылся в кустах. Отмерев, я хотела было броситься за ним следом, но словно бритва резанула по глазам, и я на долю минуты ослепла. А когда резь в глаза прекратилась, кусты черемухи уже перестали качаться.

Я беспомощно посмотрела в сторону пруда, где уже разложили удочки два тщедушных пожилых мужичка, хотела

было подойти к ним, но передумала. Что мне сказать рыбакам? Что подруга пошла к костру с парнями, а мне было видение? Но что оно означало, это видение? Почему я увидела заснеженную поляну там, где цвела черемуха, и от палящего солнца воздух казался расплавленным, словно мутное стекло? Почему я решила, что подругу надо спасти? У меня не было на это ответа. Скорее всего, рыбаки вызовут не полицию, а дурку.

Будь я немного старше, я бы, вероятно, подняла бы тревогу, наплевав на все доводы рассудка. Но мне было только 15 лет. И я промолчала.

Всю ночь мне снились кошмары. И когда ранним утром мне позвонила задыхающаяся от рыданий мать Веры и спросила, не знаю ли я, куда могла пойти с ночевкой ее дочь, я сразу все поняла. Я сказала, что искать надо в лесопарке, в районе небольшого пруда.

Веру нашли только к вечеру, зверски изнасилованную и задушенную атласной синей лентой. Судя по всему, она сопротивлялась со всех сил, до последнего, и, чтобы заглушить ее крики, сильные мужские руки сомкнулись на ее шее. И только потом в ход пошла лента – для гарантии, как предполагал следователь.

Все лето я не вылезала из следственного комитета. Рисовали фоторобот обоих парней, меня и обоих рыбаков часами мучили в поисках хоть какой-то зацепки, но... Так ничего и не обнаружили. А мама отдала мне дневник Лили. Моей

старшей сестры, когда-то встретившей свою кончину на засыпанном снегом горном перевале.

Глава 2

1987 год. Дмитрий Щеглов.

Он рано осиротел. Маму он помнил хорошо, она была такой ласковой, доброй. Она казалась ему похожей на фигурку небольшой куколки из немецкого фарфора – белолицей, с густым водопадом белокурых волос. Ему было 12 лет, когда мамы не стало. Что с ней случилось, он помнил плохо. Не понимал почему, ведь он был уже почти подростком. Но память услужливо стирала воспоминания последнего года жизни матери. Кажется, это была автокатастрофа. Наверное, его детская память вообще многое поменяла за эти годы, со старых фотографий на него глядела обычная женщина с усталым лицом и короткой стрижкой. Но в его памяти она осталась другой, белоснежно-фарфоровой, словно юная танцовщица. Та самая, что разбилась задолго до гибели его матери. Но Димка много лет пор помнил свои горькие слезы, когда вместо изящной статуэтки он увидел на грязном полу мелкие острые обломки. Горе от этой детской потери странным образом слилось с отчаянием от смерти матери, переплелось с ним и стало неотделимым.

Много лет он пытался отойти от ее внезапной гибели.

Ушел из дома он в 16 лет, поступил в техникум, не успев его закончить, сам пришел в военкомат. Хотел поехать в горячую точку, но в то время никакой войнушки Союз не вел, и Димку отправили в обычную морскую пехоту. Демобилизовавшись, он закончил техникум, и, как отслуживший, без экзаменов поступил в Политех, заодно записавшись в секцию альпинизма, а потом и возглавив ее.

Экстрима ему всегда хватало. Он участвовал в нескольких сложных восхождениях, чуть не погиб на Эльбрусе при сходе лавины. В институте его уважали, и даже посвящали хвалебные заметки в студенческой стенгазете. Дружить с ним хотели не только однокурсники, но и парни постарше. Высоченный, широкоплечий, он пользовался успехом у девушек, которые буквально сражались за внимание неформального институтского лидера. Всегда на подъеме, вечно окруженный толпой приятелей, сыплющий прибаутками и армейскими байками, он казался вполне счастливым, но втайне мечтал о другом. Маленький сонный городок, где никогда ничего не происходило, сильно давил на психику. Димка Щеглов же мечтал об известности, о большом городе, где каждый узнавал бы его в лицо, где на него оглядывались бы девушки...

И казалось, что достичь всесоюзной славы будет так легко, стоит лишь приложить немного усилий. Время начиналось веселое. На волне внезапной гласности в газетах и на телевидении появились публикации про бегающего по квартирам барабашку, шумного духа, который поджигал мебель и бро-

сался тяжелыми предметами в хозяев дома. Уцелевшие после барабашки люди лечились Кашпировским, с экрана телевизора кодирующим зубную пасту на исцеление геморроя, и заряжали воду возле радиоприемника, из которого упорно молчал экстрасенс-целитель Аллан Чумак.

Сообщения в газетах про полеты инопланетян и общение с ними, а также многочисленное похищение людей на опыты этими самыми инопланетянами, вообще уже никого не удивляло. На центральных телеканалах мелькали хитрые физиономии дам и джентльменов, которых инопланетяне запирали в своих тарелках, но они умудрялись сбежать, вероятно, с перепугу научившись летать. Одна из похищенных, могучая тетка, похожая на борца сумо, с рыданиями рассказывала на всю страну, что родила зеленым человечкам ребенка, но его отобрали и увезли на далекую планету. Теперь ей никогда не увидеть свою кровиночку. Но зато о ней писали все центральные газеты. Впрочем, каждому, выступающему по ТВ доставалась своя минута славы.

Небольшая заметка про йетти, живущего на горе девяти Мертвецов, промелькнула в одной из центральных газет и была бы благополучно забыта, если ей не заинтересовался бы студент третьего курса Дмитрий Щеглова.

Димка сразу понял – вот он, его единственный шанс. А вдруг Снежный человек в самом деле существует? И он, простой парень из маленького провинциального городка, сфотографирует его? Да с такими фотографиями столичные кор-

респонденты начнут охотиться за уже не за йетти, а ним, Димкой, чтобы взять интервью, а его невзрачная круглая физиономия украсит все модные журналы! Куда там тетке, родившей ребенка от инопланетянина! Он затмит этих мелких жуликов своим размахом. А дальше – Москва...

От громадьи планов у него захватывало дух. Но студентами, посещающими вместе с ним местную группу альпинизма, он своими наполеоновскими планами не делился. А то мало ли, вдруг не окажется в горах никакого Снежного человека, смеяться будут всю оставшуюся жизнь. Поэтому про йетти Щеглов всегда говорил только в шутовском тоне, словно и сам не сильно-то верил в его существование. Он даже уверял, что собирается разоблачить местную легенду, поскольку много раз уже ходил в горы, и точно знает – нет там никаких людей, пусть даже и трижды снежных. Но на всякий случай, запаса дорогом импортным Никоном и кучей пленок, черно-белых и в цвете.

Восхождение обещало быть опасным. В той самой маленькой заметке, после которой Щеглов загорелся восхождением на гору девяти Мертвецов, говорилось о том, что Снежный человек стережет свой перевал, и убивает всех, кто попадает к нему на глаза. Живущие под горой ханси уверяли, что так страшный отшельник мстит людям за свою несбывшуюся любовь. И даже приводился список жертв – больше двух десятков человек за последние десять лет. Причем, все это были не желторотые новички, а люди с неплохим опытом

горных походов.

Погибших было много, слишком много для опытных альпинистов. Разумеется, в местные легенды Щеглов не слишком верил, но какая-то опасность на горе подстерегала, в этом он не сомневался. Вероятно, снежные пласты там были слишком нестойкие, и при малейшем сотрясении лавиной сходили вниз, погребая под собой любого, кто оказывался в неудачное время на склоне. Или там на самом деле окопался йетти? Последний вариант устроил бы его больше всего. А риск существует при любом восхождении, и Щеглов не собирался праздновать труса. Во что бы то ни стало он решил покорить опасную вершину. И он бросил в институте клич – кто рискнет пойти с ним в поход? После зимней сессии две недели у студентов были свободными, почему бы не использовать их для веселого приключения?

Не все молодые альпинисты из группы согласились на опасное восхождение. Всего семь парней и, к немалому удивлению Щеглова, три девушки. Девушек в такой поход брать не стоило, но... На красавицу Лилию, тонкоcostную длинноволосую блондинку с нежно-фарфоровым личиком, он сам заглядывался, но понимал, что куда там ему, с его койко-местом в общежитии и простецкой физиономией... Лилия никогда не смеялась его грубоватым шуточкам, даже не улыбалась на постоянные поддразнивания. Девушка напоминала ему ожившую фарфоровую куклу, которая когда-то стояла на серванте его родителей. Ту самую, которая была похожа на

его погибшую мать. Теперь синеглазая кукла снова была рядом, но он с глубокой тоской думал, что скоро она навсегда исчезнет в серой пыльной дали. Навсегда разойдутся их дорожки...

Но если все получится, если фотографии йетти в обнимку со Щегловым полетят в центральные газеты, тогда Лиля, возможно, взглянет на него иначе. Он станет не просто шутником Димкой с третьего курса, он станет местной знаменитостью. Ореол славы меняет внешность, придает выразительность даже самому простому лицу, в этом он был свято уверен. Но если на горе он никого не найдет, если известность обойдет его стороной, то возможности заинтересовать белокурую красавицу у него не будет уже никогда... Нет, Лилю надо было брать с собой, невзирая на все опасности. В походе будет много возможностей проявить отвагу и смекалку, может, и без обрушившейся на голову славы удастся покорить девушку.

И Щеглов согласился взять в группу Лилю и двух ее закадычных подруг, Тамару и Зину. Девушки были далеко не такие роскошные, Зина так вообще была откровенно некрасивой – полной, низкого роста, с редкими серыми волосами, подстриженными, похоже, какой-то слепой бабкой – настолько они были неровными, с тяжелым, почти квадратным лицом и руками-лопатами. Тамара же была довольно симпатичной шатенкой, невысокой, с большой грудью и широкими бедрами, но на фоне длинноногой белокурой Лилии она

точно терялась, уходила в тень.

Мальчики-студенты были совсем обыкновенными желторотыми юнцами, армии не нюхавшими, прямо от мамкиной юбки отправившиеся в институт, а оттуда – в достаточно сложный поход. Увы, опытные альпинисты в этот поход идти не желали, придумывали различные отговорки, а один так прямо заявил Щеглову:

– Димка, я тебя уважаю, что ты задумал самоубийство. Там не гора, а трясина какая-то, только и слышу о гибели альпинистов. Так что извини, не поеду.

Щеглов прекрасно понимал, что предстоящий поход относится к повышенной категории сложности, и поэтому никто не разрешит брать туда необтесанных в более легких походах новичков. Поэтому он просто не стал официально заявлять в местный туристический клуб о своем походе, не собирался он оповещать о нем и спасательные группы того города, где собирался совершать восхождения. Остановить студентов никто не мог, а то, что спасатели о них не знают, так, если повезет, никогда и не узнают. Они просто сходят на гору, через неделю сойдут с нее, и вернутся в родной городок. Дима верил в свою удачу.

Уже в поезде Щеглов с отчаянием понял, что Лиля поехала в поход вовсе не ради поисков йетти, и уж точно не ради него. Нет, ее внимание, как и внимание двух ее подружек, было целиком приковано к красивому худому пареньку с вычурным именем Эдуард. На взгляд Щеглова, ниче-

го интересного в парне не было, кроме разве иностранного имени. У него даже мускулов не наблюдалось – худющий, с узким лицом и полными губами, он скорее был похож на красивую девчонку, чем на настоящего мужика. Обычный выпендренник с длинными волосами, томными манерами и неприятной привычкой цедить слова словно через губу. Пижон в модных импортных джинсах, обклеенных лейблами, и в часто меняющихся бархатных кургуzych пиджачках. К тому же, говорил Эдик Тарханов так тихо, что все должны были замолкать, чтобы услышать его не слишком содержательную речь.

Тарханов не ходил на занятия альпинистов, и Димка Щеглов сначала не поверил своим ушам, когда Эдик подошел к нему в институте и небрежно бросил, что готов пойти в поход на Гору. Димка попытался его отговорить, но Тарханов уперся рогом и никаких доводов слушать не пожелал. Напугать лавинами его тоже не удалось, и в конце концов Щеглов сдался. В конце концов, парень совершеннолетний, пусть идет, если уж так хочет. Но теперь, в поезде, он очень жалел, что не нашел нужных доводов.

Эдуард не травил анекдотов, не пытался ухаживать за девчонками, но их глаза неотрывно следовали за ним. И никакие старания Щеглова не действовали. Ни его армейские анекдоты, ни истории из опасных походов – ничто не могло перебороть очарование Эдика, когда тот доставал старую гитару и начинал негромко напевать романсы. Современных

песен Эдик не признавал. А вот романсы исполнял так, что у девочек на глаза наворачивались слезы.

Димка тоже неплохо играл на гитаре, пел и блатной шансон, и песни Высоцкого, но успеха у девушек не имел. Однажды, разозлившись, он решил поддеть Эдика и, кривляясь и жестикулируя, начал орать строки из любимой песни:

Если парень в горах не ах,
Если сразу раскис и вниз,
Шаг ступил на ледник и сник
Оступился и в крик!

При этих строках он развернулся к Эдику и выразительно закивал в его сторону, помогая себе руками и гитарой. Эдик какое-то время сидел, словно не слыша, потом спокойно встал и вразвалочку вышел из купе. Следом за ним выбежали и девчонки.

Глава 3

Лариса Михеева.

Утро началось с телефонного звонка. Я не помнила, когда успела дать вчерашнему неприятному визитеру номер мобильного, между тем, звонил именно он.

– Лариса, простите, но меня могут арестовать. Прямо сегодня! Пожалуйста, дайте мне дневник! Там ведь могут быть какие-то зацепки!

– Юрий Валерьевич, но там нет ничего такого. – устало проговорила я, медленно приходя в себя от тяжелого сна. – Я всю ночь перечитывала дневник. Лиля закончила записывать в ночь накануне похода. Что вы там хотите найти?

– Следователь подозревает меня в чем-то. – он буквально всхлипывал в трубку. – Но ведь кто-то вернулся, кто-то, кто похитил и убил Тамару!

Мертвые не возвращаются, чуть не вырвалось у меня. Но я сдержалась. С мертвыми у меня были свои отношения.

Много лет я считала себя виноватой в гибели подруги. Меня ведь предупредили. Моя погибшая страшной смертью сестра, которую нашли на снежном перевале обнаженную, с пустыми глазницами и искаженным предсмертной мукой ли-

цом, не дала мне умереть от руки маньяка. И я могла спасти Веру, могла позвать на помощь. Но я не поверила себе, и вот теперь жива, никому не нужная, с жутким чувством вины.

Несколько раз я была на грани самоубийства. Но как ни странно, меня удерживала мысль, что со смертью ничего не заканчивается. Моя сестра умерла, но и оттуда она сумела предупредить меня об опасности. Может быть, когда-нибудь она подаст еще знаки? И я узнаю, что произошло с ней на том роковом перевале? И возможно, моя пребывающая в постоянной депрессии мать тоже получит весточку от Лили, и через много лет полусна вернется к жизни – с нее спадет груз вины за то, что отпустила в тот последний поход.

Единственное, в чем я была уверена – о том, что произошло на перевале, я узнаю не из дневника сестры. Его я помнила уже наизусть.

– Хорошо. Я попрошу следователя самого к вам приехать. – доносился из мобильного квакающий голос. Вернувшись из своих мыслей, я лишь покачала головой и хотела что-то возразить, но тут позвонили уже в дверь квартиры. Положительно, сегодня я пользовалась большим спросом.

Бросив все еще квакающий телефон на подушку, я накинула шелковый халатик, подошла к двери и с некоторым недоверием поглядела в глазок. Что, если мой новый знакомец уже там, стоит под дверью, полный желания получить вожаденный дневник? Но на лестничной площадке стоял мой бывший муж.

Честно говоря, все четыре года брака я не уставала удивляться, что вообще вышла замуж. Я не умела не только флиртовать – даже простая улыбка давалась мне с трудом, и скорее пугала сильный пол, чем вызывала влечение. Училась я на библиотечном факультете, где на тридцать девочек затесался один-единственный мальчик, ботаник в огромных очках, который, похоже, боялся девочек примерно так же, как я заснеженных гор. За годы учебы я не перекинулась с ним не словом.

А после учебы я пошла работать в библиотеку, и поставила крест на своей личной жизни. Подруг у меня не было из-за странной мысли, что все, кто со мной рядом, обречены. Я и не пыталась ни с кем сблизиться. Но парень, который внезапно зачастил в мою маленькую библиотечку, постепенно вызвал интерес. Хотя бы тем, что он никогда не улыбался. Казалось, он недавно понес тяжелую утрату, и веселье навсегда покинуло его лицо. Даже углы губ у него опустились так, что красивое, четко вылепленное лицо казалось скорбной маской.

Сначала я думала, что его появление в библиотеке вызвано каким-то недоразумением. Молодые мужчины к нам обычно не заходили. Тем более, не брали по десять книг по психологии, криминалистике и оккультизму. Но через две недели парень появился снова, слегка подшофе, и потребовал заказать для него какие-то редкие книги, которых на месте не было. Я записала заказ, и, подняв на него глаза, посо-

ветовала пару книжек, которые давно лежали в запасниках. Он посмотрел на меня в упор своими темными глазами, и внезапно спросил:

– У вас тоже была несчастная любовь?

Я почувствовала, как к щекам приливает краска, и быстро опустила голову. Любовь? Разве она существует? Я в своей жизни знала только страх и тоску.

Через неделю он появился вновь. Небрежно просмотрел прибывшие книги, и наклонился ко мне через длинный библиотечный стол, обдав запахом вчерашнего перегара:

– Ты никогда не улыбаешься?

Я отпрянула назад, но глаз не опустила. Мне внезапно надоело бояться, и я резко ответила, что нет, не улыбаюсь. Не вижу смысла.

– Я тоже. – криво усмехнулся он. Так начался наш роман.

Мы встречались с Игорем около месяца, пока он не затащил меня к себе в гости, не напоил и не лишил девственности. Меня удивило, что он тут же сделал мне предложение, хотя я ни на чем не настаивала. Более того, мне не очень хотелось за него замуж. Насколько я поняла, он болезненно переживал тяжелый разрыв с любимой девушкой, и пытался залечить раны то алкоголем, то книгами по психологии, то новым увлечением. А мне не хотелось быть всего лишь бальзамом на чужие раны.

Работал он в каком-то небольшом институте по разработке не то радиоприемников нового поколения, не то еще ка-

кой-то странной фигни. Получал немного, зато свободно-го времени было хоть отбавляй. И он так меня добивался! В конце концов я поддалась напору, и сходила в ЗАГС. У меня теплилась слабая надежда, что уж замужество вернет мне давно утраченный вкус к жизни. Кто-то заинтересовался мной, кто-то выслушает историю моих страхов, утешит, приласкает... Но довольно быстро стало ясно, что Игорь нуждается в том, чтобы выслушивали и утешали именно его. Он не желал вникать в мои отношения с матерью, в мои переживания по поводу гибели сестры и подруг.

Иногда мне казалось, что его мучает какой-то страх, природу которого я не понимала. Он словно скрывался от кого-то, хотя я готова была поклясться, что за ним никто не охотился. Игорь вроде бы спокойно выходил из дома, ходил на работу в какой-то офис, я в библиотеку, но все вечера в первый год брака мы просидели дома в моей небольшой квартирке, в гостиной со стенами в бледно-голубых, нелюбимых мной тонах. Впрочем эта гостиная служила нам и столовой, и спальней – небольшой складной диван по вечерам раскладывался и застилался унылым белым бельем. Противоположную окну стену занимал огромный платяной шкаф с зеркальными дверцами, которые увеличивали комнату, вытягивали ее, подобно вагону в поезде. Иногда мне казалось, что я и живу в поезде, который катится себе мимо настоящей жизни. Она проходит где-то там, за занавешенными окошками, пока мы сидим взаперти. Мы смотрели телевизор, игра-

ли на компе в какую-то довольно скучную стрелялку. Я пыталась хоть как-то разнообразить наш досуг, предлагала сходить в кино, в кафе, выбраться летом в пригородный лесопарк, где, по рассказам нашей заведующей, маленькое летнее кафе на деревянном причале, уходящем в большое озеро. Но, услышав мое робкое предложение сходить в это чудесное кафе, мой супруг почему-то взорвался и устроил мне настоящий скандал:

– Ларка, ты совсем офигела! – кричал он, а я, действительно офигевшая от такого взрыва эмоций, лишь тарщила на него глаза. – Знаешь, какое это кафе дорогое? Ты за олигарха вышла, думаешь? Сама крыса лабораторная, не зарабатываешь ничего, а туда же, летние рестораны ей подавай!

Я в слезах выбежала из дома, Игорь вылете следом, поймал меня еще в подъезде и буквально силой затащил домой. Долго извинялся, обещал луну на небе и поездку в Италию осенью, и в конце концов мы помирились. А в Италию так и не поехали.

Наверное, вы подумали, что Игорь был жутким жмотом, но нет. Он не жалел денег на хороший коньяк, мог на всю зарплату купить копченую оленину, а потом мы неделю питали гречкой, купленной на мою зарплату. Но странностей у него было много, слишком много для меня. Например, лишь через год совместной жизни он обзавелся айфоном. До этого все время твердил, что это слишком дорогой гаджет, и понты его не привлекают. Впрочем, купить дешевый кнопочный

телефон он тоже отказывался наотрез. Более того, когда изредка звонил мой домашний телефон, он вздрагивал и бледнел. И каждый раз шептал каким-то страшным театральным шепотом:

– Меня здесь нет! Я тут не живу!

Все попытки прояснить ситуацию заканчивались скандалами, и поднимать эту тему я перестала. Как перестала спрашивать, почему мы не можем вместе выходить на работу, почему я должна выходить первой, и, выйдя из подъезда, обязательно остановиться и помахать рукой занавешенному кружевными занавесками окну, за которым прятался мой дорогой муженек. И я покорно махала, чувствуя себя профессором Плейшнером из анекдотов про Штирлица, и невольно ожидала, что вот-вот на подоконнике появится большой колючий кактус, означающий – явка провалена!

Возвращаться домой мне разрешалось в любое время, благо из библиотеки я освобождалась довольно рано. Но перед окончанием своей работы Игорь обязательно звонил домой, убеждался, что я дома и дошла благополучно, и лишь тогда выезжал из офиса.

В конце концов я решила развлечься хоть как-то, и предложила ему поменять голубые обои в нашей квартирке. Все остальное в моей крохотной комнатке было розовым и оранжевым, но вот обои оставались моей головной болью. Он нехотя согласился, но все оттягивал это развлечение, и тогда я начала ему рассказывать про сестру, которая погибла

в снегу, и про то, что именно снег, белый или голубоватый, для меня буквально символизирует страх. Но он не захотел даже дослушать мою историю.

На этот раз скандал устроила я, а Игорь быстро собрал чемодан и ушел из дома. Не было его больше недели. Наверное, я была не права, пытаясь вывалить на него все и сразу. Наверное, мне надо было быть более чуткой, вникнуть в его собственную трагедию. Но увы... Почти с самого начала брака мне показалось, что у меня есть соперница. И это убило едва зарождающееся доверие.

Была ли я права в своих подозрениях? Этого я не знала даже сейчас, на пороге развода. Игорь познакомил меня с родителями, но ни за что не знакомил с друзьями. Пока мы сидели взаперти дома, я об этом даже не задумывалась. Какие друзья, есть ли вообще они у моего затворника?

Но примерно через год, после покупки дорогого айфона, выяснилось, что друзья есть, и их не так уж мало. Игорю звонили постоянно, и в будни и в выходные, он сначала ограничивался телефонными разговорами, а затем начал потихоньку вылезать из своей скорлупы. Но увы, без меня. Мне больше не надо было махать по утрам рукой занавешенному окну, он не звонил по вечерам домой, чтобы убедиться, что я вернулась – он вообще практически перестал обращать на меня внимание. Ходил в бары, ездил на рыбалку и сплавлялся по реке на плотях – но меня с собой не брал ни разу. Что могло послужить объяснением такого недружелюбия? Мне

не понадобилось читать массу книг по психологии, чтобы сделать вывод – в той компании есть девушка, которая ему очень нравится. Намного больше, чем я. Он не может ее получить, но не хочет, чтобы его лишали надежды. И карманная жена рядом вовсе не то, что ему нужно для счастья.

Наверное, эта девушка замужем, думала я. Была бы свободной, давно бы ответила на его чувства. Игорь был красив правильной мужской красотой, к тому же, легкая грусть придавала ему особый шарм.

Впрочем, после начала активных тусовок его депрессия довольно быстро прошла, вернулась обычная, как оказалось, жизнерадостность, вот только его улыбки предназначались отнюдь не мне. Я слышала его смех, когда он беседовал с кем-то по телефону или переговаривался по Скайпу, видела смайлики в его комментариях на фейсбуке. Со мной же он беседовал в основном о том, что приготовить на ужин, или обсуждал предстоящий визит к свекрам. К моей маме после первого же визита он отказался ездить наотрез. Впрочем, я его понимала. Ее потухший взгляд мог вогнать в депрессию самого отъявленного жизнелюбца.

С его друзьями я изредка беседовала по телефону, вскоре я узнавала их по голосам. Важный низкий басок – это Вадим, торопливый тенорок – Леха, резкий отрывистый баритон – Колян. Впрочем, все наши беседы сводились к вопросам – где Игорь, когда он проснется или скоро ли он выйдет из душа. Иногда мне даже казалось, что друзья моего мужа

не знают, что он вообще женат, и думают, что женский голос, отвечающий им по домашнему телефону, а иногда и по мобильному Игоря – принадлежит его матери или тете.

Я не стала скандалить, выяснять отношения, просто снова погрузилась в обычную меланхолию. Постепенно Игорь начал проводить все больше времени в компании друзей, и все меньше – со мной. А полгода назад я спокойно сказала, что не вижу больше смысла жить под одной крышей с чужим мне человеком. Игорь, заглянувший домой на пару дней перед очередной рыбалкой, спорить не стал. Он собрал вещи, вернул мне ключ от квартиры и отбыл к родителям. И тех пор позвонил, наверное, всего пару раз. А вот теперь внезапно нарисовался за дверью.

Я стояла в некоторой задумчивости, размышляя, стоит ли открывать, или сделать вид, что меня нет дома. В конце концов, все вопросы можно решить по телефону. Даже о разводе договориться можно дистанционно. Но тут звонок в дверь раздался вновь, протяжным воем отозвавшийся в моей голове. Я вновь поглядела в глазок и испугалась. Такого искаженного болью лица я не видела у Игоря за все время нашего знакомства. Даже тогда, когда он в глубокой печали приходил в библиотеку, он выглядел куда спокойнее.

Тем временем, не дождавшись ответа, Игорь забарабанил по двери кулаком, а потом начал бить по ней ногами, левой рукой отчаянно нажимая на дверной звонок. Рывком распахнула дверь, и он буквально влетел внутрь, схватившись на

лету за дверной косяк в качестве опоры. С некоторым изумлением я смотрела на его прикушенные словно в припадке эпилепсии губы с выступившей кровавой пеной, затем перевела взгляд на стиснутые в кулаки руки и только тогда заметила, как сильно они дрожат. Потеряв дар речи, я махнула рукой в сторону кухни, но он отчаянно замотал головой и тут же резко спросил:

– Лорка, ты следила за мной? Может, нанимала сыщика?

Я слышала его слова, но не воспринимала их смысл. Следить за ним? Зачем? Мы же договорились расстаться друзьями!

– Лора, не молчи! Мне это очень важно знать! – его голос дрожал все сильнее, в нем появились умоляющие нотки. – Скажи, это вопрос жизни и смерти! Ты ведь узнала о ней, правда? Значит, следила, да? Давно?

– Игорь, ты о чем? – я сама не узнала свой голос, настолько сдавленно он звучал. – Я не знаю, о ком ты говоришь.

– Но ты потребовала развода, значит, узнала! – он словно уговаривал сам себя.

– Я поняла, что ты меня не любишь. – как ни странно, я почувствовала не ревность или обиду, а облегчение. Оказывается, я вовсе не ревнивая дура, он на самом деле любил другую!

– Не ври! – теперь он почти визжал. – Ты узнала о Марго, я понял это! Да, я изменял тебе, довольна? Но ты ведь не могла бы сама нас поймать. Ты нанимала частного сыщика,

да? Кто за мной следил?

Я постепенно обретала присутствие духа. Отлепилась от кухонной двери и подошла к нему поближе. Он задрожал еще сильнее, но его страх не был связан со мной, я это чувствовала.

– Игорь, послушай меня. – ласково, словно к больному, обратилась я. – Я никого не нанимала. Я не знала до сего момента ни про какую Марго. За тобой никто не следил.

– Ты врешь, врешь. – словно в полусне, бормотал он. – За мной следили, я чувствовал это. Я знаю, это ты... или по твоей просьбе.

– Нет, нет.

– Тогда кто? – его голос взвился вверх и сорвался на полуслове.

– Но какая разница? – машинально спросила я, невольно холодея. Он сначала помотал головой, словно не желая отвечать, но потом, опустив глаза, хрипло выдавил:

– Ночью Марго задушили. Моим полосатым шарфом.

Глава 4

Плохо помню, как я дотащила Игоря до кухни, как заваривала чай и пыталась сунуть в его дрожащие руки горячую фаянсовую чашку. Разумеется, чашку с кипятком он уронил на пол, слегка обварив мне ногу, но боль от ожога наконец привела меня в чувство. Перестав хлопотать крыльями над бедным страдальцем, я села в кресло и, стараясь, чтобы голос звучал естественно, спросила:

– А где этой ночью был ты?

– Да там же, ***, на ее квартире! – он снова выругался, долго и смачно. В его голосе еще звучали истерические нотки, но он потихоньку брал себя в руки. – Там еще куча народу тусовалась! Приходили, уходили, я даже знал не всех!

– Но как же... – я осеклась. – Ее задушили на глазах изумленной публики?

– А ты стерва! – в его тоне прозвучало нечто похожее на восхищение. – Можешь шутить в такую минуту?

– Я не шучу. – я лишь пожала плечами. – Я правда не понимаю.

– Да чего там понимать? – он снова сорвался на визг. – Мы в таком состоянии были... на бровях почти. И вот утром я выхожу на кухню... А она там!!! И на шее – мой шарф. Я сам его вечером повесил поверх плаща в прихожей.

Я лишь помотала головой, уяснив наконец полную карти-

ну. Мой бывший муж с друзьями всю прошлую ночь тусил на квартире любовницы. Кроме него, там находились несколько его друзей, парочка подруг хозяйки и, вдобавок, постоянно приходили еще какие-то неизвестные Игорю тусовщики. Похоже, входную дверь не закрывали вообще, и Игорю иногда казалось, что некоторых из гостей не знала и сама Марго. Водку мешали с пивом, делали коктейли с томатным соком, и слабая голова Игорька быстро не выдержала адской смеси. Он крепко заснул, свернувшись клубком в небольшом кресле-качалке. Проснулся, когда за окном вовсю сияло солнце, удивился тишине в квартире, вышел на кухню и...

– Погоди, а остальные гости? – удивилась я. – Неужели в квартире больше никого не было?

– Никого. – он чуть не плакал. – Все ушли, все! Как они проснулись раньше меня?

– Так надо всех обзвонить! – я вскочила на ноги. – Кто-то мог видеть само преступление! Или, по крайней мере, раз они встали раньше и наткнулись на труп, они скажут, когда это произошло! И, если повезет, подтвердят, что ты в это время спал.

– Я сбежал оттуда. – теперь он трясся весь, зубы явственно стучали. – Раз все ушли, то я тоже. Не буду никому звонить, пусть гадают, кто ушел последним. И кто нашел труп.

Наверное, у меня изменилось лицо, потому что он вдруг с ненавистью заорал:

– А ты хотела бы, чтобы я пошел на нары, я знаю!

– Игорь, успокойся, – устало произнесла я. – У тебя не было мотива ее душить. В квартире было полно народу, так что под подозрение все.

– А шарф???

– Наверное, многие смогут подтвердить, что он висел на видном месте? – предположила я. – Его тоже мог взять любовой.

– Все так. – он опустил голову, темная челка упала на высокий бледный лоб, прикрывая темные глаза. Он показался мне похожим на загнанную борзую собаку, и почему-то в этот момент я залюбовалась им. Но он резко мотнул головой, поднял на меня обезумевшие от страха глаза, и наваждение прошло. – Но ты не знаешь...

– Чего? – мне снова стало не по себе, и я не смогла сдержать нервный смешок. – На ней была твоя визитка?

– Сука! – взвизгнул он, вскакивая на ноги. Невольно я вскочила тоже, хватаясь за горячий чайник как единственное доступное оружие. Но он взял себя в руки и снова сел. Потом криво усмехнулся, глядя в пол, и прошептал:

– Ты помнишь нашу первую встречу? В библиотеке?

– Да. – тоже полушепотом ответила я. На глаза навернулись запоздалые слезы. Тогда я подумала, что он пережил несчастную любовь, и я, никому не нужная, даже собственно матери, смогу его утешить и стать необходимой. Как глупо это было с моей стороны!

– Помнишь, в каком я был состоянии? – теперь он яв-

ственно ухмылялся, глядя мне в глаза. – Как ты думаешь, почему?

– Тебя бросила девушка? – робко предположила я, но где-то глубоко в подсознании уже поняла, предугадала его ответ.

– Да, бросила. – он снова выругался. – Убралась напрямик на тот свет. С петлей на шее.

– Она... сама? – но я уже не верила в это.

– Нет. – он бросил эту фразу резко, словно отрубая мою надежду. – Ее убили. Задушили во время этого... самого. Словом, во время. А на шее был затянут пояс от ее собственного платья.

Он снова выругался, но как-то вяло, без огонька, затем торопливо продолжил:

– Мне было слишком страшно это даже вспоминать. Но тогда все было иначе. Ее убили в лесопарке, она собиралась на свидание со мной, ждала меня в условленном месте, но я тогда не пришел. Не смотри на меня так, я правда там не был! Я смог это доказать, иначе давно бы сидел!

– А что с тобой случилось? Ты же не отменил свидание?

– Да мне так плохо было, что я о нем просто забыл. – он помотал головой, отгоняя воспоминания... – Я чем-то здорово траванулся, блевал так, что родаки с перепугу «Скорую» вызывали. Так что мое алиби подтвердили врач и фельдшер «Скорой». Они как раз мне желудок промывали, когда Машку... того. Поясом. Если б не родаки, сидел бы как миленький. Меня и так полгода по допросам таскали.

– Я поняла. – я несколько раз энергично кивнула. – То есть уже вторую твою девушку... задушили?

– Ты тоже думаешь, что это я? – он посмотрел на меня так, что я снова схватилась за чайник. – Что я псих? Но как ты... ***! ***! Я ж с тобой жил столько лет! Ты же жива!

Я снова отпустила чайник и задумалась. Да, целых две девушки погибли, две его подруги, это подозрительно.... но как же я сама? Ведь две мои подруги точно так же пали от руки маньяка-душителя. Но ведь я в этом не виновата!

Внезапно мне показалось, что с грудь упал огромный, давящий камень. Я не виновата в их гибели! Я смогла допустить в сознание эту мысль, а ведь еще вчера допустить такое казалось совершенно невозможным, кощунственным. Я не виновата, что какой-то урод решил их убить. Я не виновата в том, что осталась жива!

Я резко выдохнула и решила уточнить:

– Но кто-то из твоих знакомых знал, когда и где вы встречаетесь с той девушкой?

– Все знали, – Игорь в недоумении пожал плечами. – Мы иногда компанией ходили. Чего мне было скрывать? А это кафе было нашим любимым местом встречи. То самое, на причале, вдающемся в озеро, куда ты меня звала, помнишь? Ну не дура ли?

– Все знали... это много народу? – Я грустно покачала головой. – Игорь, ты ее сильно любил?

– Да брось, какая любовь! – грубо бросил он. – Ты прямо

как маленькая. Да мне уже тридцатник стукнул, пора было остепениться. И мамаша все давила, мол, внуков надо, а то помру от тоски, сынок! Вот, жениться решил. Даже предложение успел сделать, при всех. Идиот! – он снова зло выругался.

Внезапно что-то у меня в груди сжалось. Я вспомнила, что мне казалось таким странным в нашей не слишком долгой семейной жизни. Предложение той девушке он сделала при своих друзьях. А меня скрывал от них!

– Игорь, я никогда не спрашивала, но теперь ответь мне – почему ты не знакомил меня с друзьями? Почему... никому не показывал?

– Да, ты правильно поняла. – он даже не удивился. – Я какое-то время думал... вдруг это кто-то... из своих? Я псих, верно? Точно же, псих. – он ненадолго замолк, потом судорожно вздохнул и продолжал: – Я сначала был в таком шоке, что решил вообще с ними со всеми порвать. Я тебе не сказал... Меня же заперли в обезьяннике на трое суток. Эти хари... и запах... это хуже смерти. Я перепугался до сумасшествия. Честно, я думал, еще немного, и в дурку навсегда отправляюсь.

Когда выпустили, дал себе слово, что все, никаких больше тусовок, никаких дружбанов. Ведь это они... кто-то из них, вот так меня подставил! Начал даже книжки по криминалистике читать, ну, ты же помнишь. А потом тебя увидел, такую глупенькую, грустную. Решил, что мы прекрасно друг

другу подойдем – печальная дурочка и потенциальный шизик. Будем сидеть вдвоем дома, у телевизора, и никто нам будет не нужен. Никакие мои дружки. Никто не сможет меня отправить на зону.

Помнишь, как я тебя оберегал? Как каждое утро следил, как ты выходишь, и все боялся, что за твоей спиной вырастет чья-то черная тень? – он хрипло рассмеялся, смотря в пол, и в этот момент на в самом деле походил на умалишенного. Затем облокотился на хрупкий одноногий столик, чуть не опрокинув его, и с напором продолжил:

– И вдруг подумал, да чего это я? С чего решил, что Анюту убил кто-то из моих знакомых? Из тех, кто знал про наше место свиданий? В это кафе ходит чертова туча народу, да и вокруг озера толпы прогуливаются. Она ждала меня, наверняка нервничала, ходила по лесу, и какой-то маньяк просто наткнулся на нее в этом чертовом лесопарке. Но... но я же не мог знать этого точно? И потому решил, что про тебя никто из моих дружбанов знать не будет. То есть вообще – даже твое имя никому не говорил. Жена, да и точка. Надо мной ржали вначале, Вадька вообще обещал тебя найти и соблазнить. А потом плюнули да забыли. И не спрашивали даже. Только вот жить вот так, в подполье, можно сказать... тебе не хотелось, да и мне тоже.

– И ты стал... изменять? – тихо спросила я. Надо же, какой я была дурой! Все-таки была. Игорь пытался уберечь меня от беды, старался как мог, да надорвался. А ведь, похоже,

его скрытность спасла мне жизнь... Спасла жизнь... В том случае, если девушек убивал на самом деле не он! А если он?

– Да ладно тебе. Подумаешь, изменял. Ты жива. А вот Марго...

В этот момент зазвонил мой домашний телефон. Резкий звонок словно полоснул меня по нервам. Я вскочила, чтобы бежать к телефону, на пороге притормозила и вопросительно поглядела на Игоря. Тот сжался, словно уменьшился в размере, и испуганно зашептал, как встарь:

– Меня тут нет, ты меня сегодня не видела! Лора, умоляю!!!

Я кивнула, вышла в коридор и подняла истошно звонившую трубку.

– Лариса Павловна, это вы? – мужской голос показался мне каким-то неживым, словно механическим.

– Да, это я. – осторожно ответила я. – Вы не могли бы представиться?

– Да, конечно. – все так же, словно на автомате, ответил голос. – Но мое имя вам ничего не скажет. Я Дмитрий. Дмитрий Щеглов.

Глава 5

1987 год. Тамара Корнеева.

С первого класса она дружила с самой красивой девочкой в их школе – белокурой Лилией. Остальные девочки Томе завидовали. Им тоже хотелось пройтись на переменках с кукольной красоткой, но, едва раздавался звонок, Лиля брала под руку Тамару, и они чинно гуляли по длинным школьным коридорам, не обращая внимания на бушующую и гомонящую школьную толпу. Тамара была милой пышечкой, к которой так приятно было прижаться на перемене, к тому же покладистой, удобной в общении, и совершенно незабавливой. Вдобавок, она прилежно училась, и если в первых классах просто позволяла подруге списывать с ее аккуратных тетрадок, то потом сначала решала контрольные для подруги, а уж потом – для себя.

Но девочки выросли, и под конец школы Тамара поняла, что дружить с первой красавицей школы – это не только почетно, но и немного обидно. Вокруг все время крутилось множество парней, но их интересовала только Лиля. Тамара же воспринималась кем-то вроде любимой собачки красавицы. Ей, как болонке, даже делали маленькие подарочки,

подкупали, чтобы задобрить неприступную красотку – ее хозяйку. А ведь Тамара тоже была отнюдь не уродиной. В зеркале она видела милое личико с приветливым выражением, округлую фигурку, может, немного полноватую, но вполне аппетитную. Но вот рядом со стройной Лилией ее миловидность словно блекла, а приятные округлости казались нездоровой полнотой.

Тем не менее, они с Лилей вместе поступили в местный Политех. Вернее, Лиля уговорила Тамару поступать вместе – иначе она просто не сдала бы экзаменов. И все продолжалось – Лиля была королевой, а она, Тома – домашней собачкой, которую в упор не замечали. А ведь она была хороша собой, и ей так хотелось тоже ходить на свидания!

И уже она, в свою очередь, уговорила Лилю вступить в институтскую секцию альпинизма. Там было много парней, а значит кому-то, по теории вероятности, было суждено рассмотреть и неброскую тамарину красоту.

Они занимались всего полгода, когда глава группы Димка Щеглов бросил клич: айда на гору девяти Мертвецов! Тамара не собиралась идти в опасный поход, не за этим она вступила в группу. Но Лиля внезапно поставила вопрос ребром: Тамара едет, или они больше не подруги! Тома понимала, что ее подруга впервые влюбилась, и теперь ее не остановить. Что ж поделаешь, пришлось поехать. Для храбрости взяли с собой еще одну однокурсницу, крепкую как скала Зину Веденееву. И уже в поезде выяснилось, что поехали не

зря, осуществилась наконец заветная мечта Тамары. За ней начал ухаживать однокурсник, забавный очкарик Юрий Чудинов.

Разумеется, он не был таким веселым и крепким, как богатырь Димка Щеглов, и уж конечно, был далеко не таким привлекательным, как главный щеголь Политеха Эдик Тарханов, в которого влюбилась ее подруга. Юрий был робким, постоянно краснеющим ботаником в очках с толстыми стеклами, зато он обратил внимание на Тамару, и предпочел ухаживать за ней, а не за Лилией! И это обстоятельство перевешивало все его недостатки.

Суточную поездку на поезде Тамара толком не запомнила. Она с девчонками втроем занимали четырехместное купе, где постоянно тусили мальчишки. Постельное белье им выдали полусырым, и потому они решили спать не ложиться. Еще не хватало приехать к горе Мертвецов с километровыми соплями, пошутил Эдик, такого неуважения Снежный человек точно не простит. Все вежливо посмеялись, а Димка Щеглов с нескрываемым раздражением ответил, что лично ему, Димке, сопли не грозят. А Эдик вообще зря поехал в этот поход. Эдик лишь равнодушно пожал плечами, мокрые простыни были скомканы и сброшены под столик, и студенты радостно расположились на незастеленных полках в девичьем купе. Юрий не отходил от Томи, и Лилия, заметив это, часто хмурилась и с досадой кривила красиво очерченные розовые губки. Она ревнует! – с замиранием сердца думала

Тамара. Она, эта вконец загордившаяся красotka, ревнует ко мне!

Эта мысль грела ей сердце. Только сейчас она поняла, как устала вечно быть в тени лучшей подруги, как обидно ей было все эти годы. Но ничего, весной она выйдет замуж за Юрика – выйдет замуж первой на всем курсе! А Лиля пусть дальше бегаёт за своим Эдиком, посмотрим, женится ли на ней избалованный девичьим вниманием длинноволосый красавчик. Она так хотела взять реванш над подругой, отыгаться за все свои невидимые миру обиды, что даже не задумывалась ни над чувствами Чудинова, ни над своими собственными чувствами. Да, раньше ей нравился Димка Щеглов, нравится он и теперь, но это уже неважно. Димка сохнет по Лилии, но возможно, после ее замужества он поймет, что проворонил свою настоящую любовь!

В таком нервно-возбужденном состоянии она и приехала в городок, который круто разделил ее жизнь на две неравных части – до и после. Но она еще этого не знала.

В таком приподнятом настроении маленькая гостиничка на окраине города, где студенты должны были провести ночь до начала похода, показалась ей настоящим дворцом Снежной королевы.

Гостиничка располагалась в двухэтажном кирпичном домике с давно облупившейся побелкой, и стояла на отшибе, вдали от жилого массива. Много лет на этом месте располагалась турбаза, но поток туристов, желающих попасть на го-

ру девяти Мертвецов, все скудел, и за пару лет до приезда студентов небольшой сарайчик для снаряжения позади домика был наглухо заколочен, а здание турбазы переоборудовали в гостиницу. Вокруг не было видно никаких строений, лишь нетронутое снежное поле поблескивало при свете фонарей, и мягким ватным одеялом уходило в мрачную тайгу. С другой стороны на горизонте виднелись панельные многоэтажки, а за ними в небо уходила мрачная горная вершина, покрытая бледно-серыми снежными шапками.

Этот пейзаж Тамара запомнила надолго. Она помнила свой первый захватывающий дух восторг при виде темнеющей вдалеке горы, и целины нетронутого снега, поблескивающего, словно россыпь алмазов, под слабым светом старого уличного фонаря. В детстве у нее была книга сказок, где именно в таком домике жили гномы. Кажется, потом они переселились в большой дворец, но еще тогда Тома подумала, что дворцовая роскошь ей не нужна и вряд ли когда-то понравится, ей по душе все маленькое и уютное.

В маленьком грязном холле их с ворчанием встретил старый портье, судя по роскошным глазам, из местных ханси. Он сразу сообщил, что в номерах холодно, не сильно теплее, чем на улице, поэтому спать лучше не в кроватях, а в спальнях палатках. Или, на худой конец, в полушубках и валенках. Но Тамаре было тепло. Впрочем, и остальные студенты, разгоряченные и радостные, только усмехнулись в ответ на слова старика. Подумаешь, гостиница на задворках, подумаешь,

промороженные номера! Зато дешево, а им лишь одну ночь перекантоваться.

В душевых кабинках на первом этаже отсутствовала горячая вода, плитки на полу были разбиты в хлам, но ей показалось, что такой красоты она не видела никогда. А чего стоило снежное поле, окружавшее гостиничку россыпью искрящихся блесток! Жаль, что мы приехали в начале февраля, и не под Новый год, думала она. Вот где надо праздновать!

Спать девушки легли прямо в одежде, как советовал старый ханси. Правда, пальто они все же сняли, и накрылись ими сверху. Ночью Тома почти не смыкала глаз, представляя, как в походе Юрик поможет ей нести рюкзак, как поддержит ее на скользком склоне. И как при возвращении, сильно краснея, скажет, что всегда мечтал именно о такой девушке. Ее мечтам не мешал ни холод, ни болтовня и смех подружек.

Утром, услышав топот и смех в коридоре, она вскочила, накинула пальто и вихрем понеслась вниз. Обе раковины в разбитой душевой комнатке были заняты, но Лиля потребовала уступить место, и одну из раковин тут же выделили девушкам. Умывшись, она застегнула пальто и пошла было к выходу, но там ее ждал неприятный сюрприз. Ее Юрик, помятый и растрепанный, стоял возле входной двери, прислонившись к грязно-белой стене и сливаясь с ней лицом. Под глазами у него залегли темные тени, которые не скрывали даже толстые стекла очков, губы судорожно кривились. Она

подбежала к нему вплотную и увидела, что парня бьет крупная дрожь. Пощупала горячий влажный лоб и с ужасом спросила:

– Юра, ты заболел?

Конечно, он заболел, ей даже не требовалось его ответа. Она просила Димку Щеглова отложить поход, не бросать больного товарища. Но тот был непреклонен – они должны выступить сегодня же утром, иначе не успеют вернуться до снегопада. Тамара не могла понять – как же так, неужели какой-то дурацкий поход может быть важнее друга? Получалось, что так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.